

Алена Яворская

Анка

Нежинская, Пушкинская, 9-я Фонтана... Институт Филатова, Литературный музей... Чисто одесские названия. Объединяет их, во-первых, город. А во-вторых – одна замечательная женщина. Анна Николаевна Полторацкая. Хоть так называло ее высокое начальство да самые молодые сотрудники. А для всех остальных она была просто – Анка.

Осталось очень немного семей, о которых говорят – «культурные гнезда». Забытая, почти вышедшая из употребления фраза, но без нее не обойтись. «Как причудливо тасуется колода!» После войны в Одессе встретились курский дворянин, участник Сопrotивления, вернувшийся из Франции Николай Алексеевич Полторацкий и одесситка Наталья Филипповна Стоянова (по рассказам Анки, прабабка Стоянова была купчихой). Отец Натальи – врач, после его смерти мать стала женой поэта В. Пяста. Стояновы в родстве со Скроцкими (медиками и художниками).

Трудное время, молодые люди, с точки зрения властей, неблагонадежны – сестра Натальи Татьяна с 1943 жила в Голландии, Николай – репатриант, бывший председатель братства Святого Фотия, связанный с церковью.

И проблемы, извечные проблемы – с жильем, с работой. Но они счастливы, у них рождается дочь – Анна.

Строгое воспитание в детстве, французский, которым Николай Алексеевич владел в совершенстве, – словно осколок иной жизни. Коммунальная квартира, разделенная на две части книжными шкапами, клубы дыма (Наталья Филипповна отчаянно курила), книги, разговоры взрослых – конечно, многое Анка впитала если не с молоком матери, то, по крайней мере, с сигаретным дымом.

Семинаристы, приходившие в гости к отцу, преподавателю семинарии, переводы матери, калейдоскоп лиц, идей. Как полагается, поступление в университет, работа в институте Филатова, раннее замужество, рождение дочери Кати. Кстати, редкий случай для того времени – молодая жена оставляет девичью фамилию.

Очаровательная, похожая на француженку, легкомысленная, живая, дерзкая – такой вошла Анна Полторацкая в семьдесят восьмом году в здание по Ласточкина, 2. Первый директор Литературного музея Никита Брыгин набирал сотрудников в существовавший пока на бумаге и в его фантазиях музей. Анка (а именно так ее называли в музее) была одной из первых. Никита умел угадать, где именно сотрудник будет трудиться с максимальной отдачей, скорость карьерного роста была, по советским временам, фантастической. Недолгое пребывание в роли скромного научного сотрудника и – заведующая сектором зарубежной литературы. Вот где пригодилось знание французского!

В те уже подзабытые годы любой контакт с заграницей привлекал внимание КГБ. А тут еще голландская тетушка! Анку ничего не может остановить. И если контакты с Болгарией понятны – все же член СЭВ, страна коммунистическая, то с Францией – совсем нет. И неважно, что книги Сименона издаются миллионными тиражами. Анка все же добилась невозможного – Сименон ответил на письмо молодой сотрудницы несуществующего музея. По словам очевидцев, стены здания едва не рухнули от восторженного вопля: «Сименон! Сам Сименон написал мне!». А ведь был еще найденный Анкой поэт Ален Боске, рожденный в Одессе, и его отец – поэт Александр Биск, эмигрировавший в 1920. Каким чудом в застойные годы могли попасть в фонды советского музея рукописи эмигранта? Имя этому чуду – Анка Полторацкая.

Стрижка, как у Мирей Матье, очки, улыбка – такой видели Анку в болгарском консульстве, на совещаниях. В обычной жизни к этому добавлялась еще неизменная сигарета и чашка кофе.

В первые счастливые музейные годы, когда был Никита, выдумщик и фантазер, вдохновлявший «своих девочек», командировки в Москву, Ленинград, была возможность (столь редкая

в те годы) работать с удовольствием, не оглядываясь на начальство и не опасаясь его. Бесконечные разговоры о музее, о своих «экспонентах» – и на работе, и дома. И такие же сумасшедшие (в большинстве своем) коллеги.

История, которую Анка часто со смехом рассказывала, – после появления в музее Ани Мисюк надо было как-то различать двух Анн. И кто-то, кажется, Валя Мочалина, заведомо, сказала: «У меня две Анны, одна умная, вторая – безумная». Дома, когда она повторила эту фразу, Николай

Алексеевич грустно сказал: «Безумная – конечно, ты». Впрочем, это безумие – из разряда тех, о которых поют песни.

Увы, директор сменился, иная обстановка, иной расклад. И надо становиться дипломатом, учиться интриговать, чтобы сохранить все придуманное.

Все сохранить не удастся. Но все же удастся снять директора. Об этом нам, молодым, пришедшим в уже созданный музей, рассказывали легенды. И о Никите, и о борьбе с генералом, его сменившим. Отчаянной, невероятной для тех времен борьбе с малообразованным человеком, назначенным руководить музеем.

Они смогли победить – генерал ушел. Но того музея, о котором мечтали по вечерам с Никитой, уже не было. Был болгарский зал, сделанный Анкой, но не стало сектора зарубежной литературы. Были два года, наполненные созданием экспозиции, дружбой с художниками, атмосферой флирта, скандалами и спорами, работой до полуночи, – замечательное время, время творения. Время, когда все самые интересные люди города приходят в музей, и им гордо показывают раздобытые экспонаты, в том числе и трубку самого Сименона, и рукопись Сарояна, и перевод с французского –

оказывается, и Жюль Верн писал об Одессе, и Марк Твен в ней бывал, а у Луи Арагона вообще чуть ли не поэма. Это время, когда рядом друзья и единомышленники – Наташа Городецкая, Марина Лошак, Боря Владимирский. Встречи на Пушкинской – зимой, и на Фонтане – летом, бесконечные разговоры. Гостеприимный дом, в котором рады каждому пришедшему, и в центре всего – Анка, которая одновременно курит, готовит, наливает кофе или чай, рассуждает о высоком, флиртует с одним гостем, утешает другую, дает телефон хорошего врача третьей, устраивает к знакомым в Москве четвертого. А еще – друзья-диссиденты, самиздат, вызовы в КГБ – об этом она расскажет много лет спустя.

Но вот музей открыт, и наступает другая жизнь. Не такая творческая, нужно организовывать экскурсии, делать выставки. И молодежь трепещет перед грозной Анной Николаевной. Она с удовольствием играет роль злобной начальницы, запуганные ею осваивают экскурсию вместо положенного месяца за две недели и с удивлением выясняют, что бояться вроде бы и нечего. Внешняя свирепость скрывает заботу.

Естественно, молодые девушки заводят романы. И еще более естественно, что учит их жизни именно Анка. Кто-то из вчерашних студенток нервно вздрагивает при крике «Эй, вы, коровы!», но вскоре привыкает к неформальному способу общения. В это же время оказывается, что у Анны Николаевны есть чудесное качество – поработаешь полгода, в крайнем случае год под ее руководством – и декрет гарантирован. Причем даже тем, кому врачи говорили о невозможности забеременеть. Анка то посмеивалась над этим, предлагая желающим завести ребенка перейти на годик под ее начало, то раздраженно кричала, что работать невозможно. К счастью, после пятого случая свойство это таинственно исчезло.

Анка меньше всего похожа на наседку, но при этом именно к ней идут пожаловаться на жизнь, поделиться проблемами. Встряхнув головой, она достает свою записную книжку, растрепанную и разбухшую, находит там нужный телефон – зубного врача, учителя, водопроводчика. Кажется, нет человека в Одессе, с которым она не была бы знакома, который не поддался бы ее обаянию, не стал ее другом. Для этого нужен всего один разговор –

как одна песня сирене. И вот один, очарованный ею, приносит мороженое для всего массового отдела – а зашел-то человек узнать о стоимости экскурсии.

Когда делали музей Христо Ботева, именно для нее рано утром выезжали настрелять перепелок (ну, и остальным заодно доставалось лакомство).

Жизнерадостная, обаятельная, настойчивая, дерзкая и, как говорят в Одессе, пробивная. Она, кажется, могла все сделать, со всеми договориться, смягчить сердце самого равнодушного начальника, уговорить самого строгого проверяющего.

При этом жизнь ее не так уж и баловала: болела Катя, и несмотря на все медицинские знакомства и родство, Анка сполна хлебнула всех прелестей больницы. Потом нелепая случайность – Катя попала в аварию, за рулем мотоцикла был сын подруги. Это через много лет Анка будет вспоминать со смехом, как объясняла парню, что если Катя не сможет ходить – он должен на ней жениться. Тогда же было не до смеха.

А потом перестройка, надежды, горячие споры, отъезд друзей – Боря Владимирский, Наташа Городецкая – как это было больно, ведь с ними связь кровная, словно сердце рвалось на части. Голодные девяностые, купоны, талоны. И музей, где друзья, единомышленники, то, что спасает и поддерживает. Даже тогда Анка деятельна и неукротима. Первый компьютер в музее – дело ее рук, именно она каким-то чудом выбила его у фонда Сороса. Притом, что сама работать на компьютере стала годы спустя.

Когда она приходила в музей – это сразу было слышно. И где бы ни размещался массовый – в главном здании, во флигеле на отшибе, – голос и смех Анки привлекал. «Пятиминутки» – утренние посиделки в массовом растягивались на часы, начальники из других отделов ревновали и отлавливали своих подчиненных, строго возвращая их на рабочие места.

Заведующей массовым отделом она стала уже после спада музейного бума. И вдруг оказалось, что в музей можно привлечь людей – какой ценой, какими интригами, какими сложными комбинациями – ведомо было только ей. Она успевала воспитывать молодых, улаживать ссоры, писать статьи, делать выставки. Она все успевала, с шумом, спорами, смехом.

Взгляните вы на эту даму –
Живей живого серебра.
Не Ева из ребра Адама –
Адам из Евина ребра –

такую новогоднюю эпиграмму сочинила Лена Каракина.

После смерти Николая Алексеевича Анка занималась его архивом, публиковала статьи и воспоминания. Вместе с двоюродным голландским братом сделала сценарии трех фильмов – о Ж. Сименоне, И. Бабеле и П. Лещенко, очень этим гордилась. Она принимала самое активное участие в издании книги воспоминаний тети – Татьяны Фоогд-Стояновой. Ежегодные приезды Татьяны Филипповны и любимой голландской сестры Алены с детьми были настоящим праздником.

После развода Анка жила на даче на Фонтане. И прийти туда можно было без предупреждения, чем многие грешили. Поэты, музыканты, художники, врачи, филологи, физики – кого там только не было. И зеленая трава, за которой она ухаживала, и цветы, и старый буфет на веранде, кошки под ногами, гости везде – в пристройке, в комнатах, в креслах. И всем хорошо и уютно. Хлебосольные хозяева – Анка и Толик, ее второй муж, казалось, никогда не устают от потока гостей. Не зря же именно у Анки снимали часть фильма об одесских дачах.

Говорят, настоящий друг тот, кто радуется твоей радости. Это у Анки легко получалось. И с той же легкостью, словно бы это и не стоило никаких усилий, она организовывала дежурства, когда кто-то из музея попадал в больницу, тормозила врачей, помогала находить лекарства, готовила еду, звонила, подбадривала. Никто ей не поручал этого, просто черта характера, особенность такая – помочь, поддержать в беде. Именно Анке можно подбросить ребенка, попросить позвонить родственникам, уезжая надолго из города. И все будет в порядке – ребенок накормлен и воспитан, родственники успокоены и улагодворены.

Когда все в порядке – Анка могла и поязвить, и поострить, и подколоть. Могла обидеться, но ненадолго.

Очень огорчалась, что не получается серьезно заняться научной работой – времени не хватает. Но при этом помогала в создании

музея «Христианская Одесса», была автором проекта музея Христо Ботева (и музей в далекой Задунаевке не хуже, а то и лучше столичных), участвовала в создании музея оперного театра.

Анка была настолько энергичной, что болезни ее, о которых она чаще говорила со смехом и шутками, казались несерьезными, порой чем-то вроде кокетства. Она посмеивалась, и лишь изредка горечь сквозила в улыбке. Мы привыкли, что она со всем справляется, что после любой болезни вновь слышен ее голос, блестят глаза.

Когда она заболела, и оказалось, что нужна операция, дорогостоящая, тяжелая, деньги стали посылать отовсюду – из Америки, Израиля, России. Везде, где жили люди, любящие Анку. И казалось, что сила этой любви поможет. Ждали чуда, надеялись на чудо, и, казалось, что если, едва придя в сознание после операции, Анка звала врача в музей, чудо свершилось.

Рождественской сказки не получилось.

Что остается после человека?

После Анки – музей, книги, фильмы, выставки – это материально. Но есть еще и другое. На похоронах ее один человек дал другому телефон врача, «врача от Анки», из Анкиной записной книжки. Это будет еще долго, очень долго. У каждого из нас есть свой «врач от Анки», «учитель от Анки». У каждого из нас есть Анка, Анна Николаевна Полторацкая. У нас, у наших детей. Кажется, это и называется бессмертием.

